

Зачем нужна русская литература?

Одной из доминант современного общественного сознания становится ощущение некой идейной пустоты. Она обусловлена вакуумом представлений о том, что есть наша национальная идентичность и что ее формирует. Кроме того, налицо вакуум идеологии, которая могла бы определить характер пройденного исторического пути, наше сегодняшнее место в национально-историческом пространстве, а так же перспективы, дальние и ближние, которые открываются перед современным человеком и обществом в целом.

Отсутствие отрефлексированного комплекса идей есть отсутствие осознанной исторической перспективы. Без нее, как представляется, невозможно формирование единства людей, принадлежащих одной нации и государству, на основе надличностных целей и интересов – ведь это единственное, что можно противопоставить атомизации общества.

На основе чего возможно формирование общезначимой национальной идеи? Во-первых, на возрождении исторической памяти как актуальной составляющей каждодневного бытия человека. Современный русский (российский) человек может и должен в своей каждодневной жизни ощущать себя наследником тысячелетней культурно-исторической традиции.

Во-вторых, для современного человека точно так же, как и во все времена, необходимо понимание исторической цели существования русской цивилизации и личной причастности к этой цели. Лишь тогда человек ощутит себя и частью общества, и членом государства.

В самом деле, что сближает нас всех, прошедших уже первое десятилетие XXI века? В сущности, две вещи: язык и общая тысячелетняя история, давшая нам ту культуру, которую мы часто не видим и не умеем ценить. Но если родным языком мы овладеваем без усилий, то для овладения историей и культурой требуются весьма значительные труды – и от личности, как в процессе становления, так и на протяжении всей жизни, и от ближайшей социальной среды, в которой созревает человек, от школы, с которой связаны первые десять (теперь – одиннадцать) сознательных лет его жизни.

И вот здесь-то возникает самая большая проблема: школа не выполняет своей главной задачи – культурно-исторической социализации человека, не включает его в контекст тысячелетней истории и не ставит его судьбу в связь с историческими перспективами России – по той причине, что в самом обществе неощутимы эти связи. Они как будто стали не нужны, не востребованы. В результате даже в том случае, если школа и дает некие представления об истории и русской культуре и литературе, то они существуют (какое-то время) в сознании выпускника сами по себе, а его офисно-менеджерская жизнь (а еще лучше – чиновничье-управленческая) – вне всякой связи со школьными или (вузовскими) знаниями гуманитарного профиля. Таким образом, человек, вступая во взрослую жизнь, к тридцати годам ощущает себя не гражданином

своего отечества, а менеджером, клерком, обслуживающим (если удастся хорошо устроиться) интересы транснациональных монополий. Увы, так устроена современная экономика, ей подчинены социальные структуры, ею определяются социальные процессы. Смеем предположить, что это устройство не является единственно верным. Скорее, наоборот: оно не только не учитывает исторические перспективы российской цивилизации и государственности, но противоречит им.

Начать с того, что попираются глубинные, выработанные веками национальной жизни и быта принципы отношений, когда культ личного успеха просто не мог доминировать в общинном сознании, когда слово и честность априори были значительно важнее финансовой состоятельности и определяли ценность личности, когда чистоплотность превалировала над нечистоплотностью и существовало понятие нерукопожатности, нерукопожатного человека, когда честь ценилась значительно выше собственной жизни.

Возникает лишь вопрос: если эти черты, некогда укорененные в национальной ментальности, безвозвратно канули, откуда мы можем знать об их отдаленном во времени существовании и как мы можем судить о них? Что за мифология прежней прекрасной жизни, противопоставленная нынешним обстоятельствам?

Мы можем судить об этом по литературе. Именно литература доносит до нас через десятилетия и века представления о нормах национальной жизни. Формирует представления о должном и недолжном, о той самой нерукопожатности (слово, давно ставшее историзмом). Литература формирует наши представления об исторических событиях и о людях, участвовавших в них, – как они мыслили себя, как ощущали в пространстве русской истории, что двигало ими, заставляя вершить историю, совершать поступки, действовать вопреки интересам личного преуспевания.. Именно от Льва Толстого и по Толстому мы знаем о войне 1812 года, от Грибоедова – о мироощущении декабриста накануне выхода на Сенатскую площадь, от Алексея Толстого – о Петровских преобразованиях, от Достоевского – о том, как чувствует себя человек в период ускоренного развития капитализма. В этом смысле герои «Преступления и наказания» выглядят едва ли не нашими современниками, особенно если вспомнить «теорию целых кафтанов» Лужина и мысль героя о том, «что все в мире на личном интересе основано», - под нее подводится целая научная концепция. Достоевский показывает, к чему приводит подобная идеология и человека, и общество, ступившее на сей путь. Вот только наши современники далеко не всегда могут прочесть и понять роман, написанный без малого полтора века назад. А кажется — что сегодня и о нашем времени.

Литература является носителем своеобразного генетического кода, без которого человек и общество теряют преемственные связи по вертикали времени. Через литературу человек получает накопленный столетиями опыт национальной жизни, частного поведения, манеры чувствовать и думать. И считать, что этот опыт архаичен и неприменим в современных условиях (можно сослаться на глобализацию), значит, отказаться от принадлежности к

собственной национальной культуре. В самом деле, почему неприменим? Потому что не нужен для работы в нефтяной кампании? В какой-либо транснациональной монополии, где вполне достаточно беглого английского языка? Да, там, вероятно, более востребован культ личного успеха любой ценой, и американское кино оказывается, конечно, более привлекательным носителем социальной информации, чем русская литература XIX века.

А в самом деле, чему учила русская литература двух последних столетий? В двух словах можно сказать: ответственному отношению к собственной жизни и к национальной судьбе, настаивая на том, что сложится она так или иначе при личном и непосредственном участии каждого человека. Безответственное отношение к собственной жизни и непонимание национальной судьбы трактовалось как болезнь, о чем прямо сказал в предисловии к своему роману М.Ю.Лермонтов, указав обществу на симптомы и настаивая на необходимости «горьких лекарств». Культ личного успеха с презрением отверг Чацкий, утверждая свое право служить и гневно отказываясь прислуживаться. Хорошо бы, чтобы школа учила такому пониманию художественных текстов.

«Литературная матрица» — так называется «учебник», адресованный школьникам и студентам, написанный современными писателями о литературе двух прошлых веков (Спб., 2010). Конечно же, этот двухтомник не представляет из себя никакого учебника: просто авторы обсуждают с читателем те эмоции, которые они испытали, соприкоснувшись с классикой. Но в том-то и фокус, что чувствуют они себя с этой классикой почти что наравне: я писатель, ты писатель, какой уж тут пиитет. Книга занимательная. Из нее я узнал, например, о существовании современного писателя Терехова, который написал главу о Солженицыне. Глава эта представляет этакое панибратское похлопывание по плечу писателя, которого Терехов называет не иначе как Солжем — без малейшей попытки понять его творчество или же хотя бы очертить контуры литературной галактики, созданной им. Или вот Герман Садулаев, размышляя о Есенине, вспоминает, как он прочитал не вполне приличное стихотворение из цикла «Москва кабацкая» в школе на каком-то официальном мероприятии, что, возможно, имеет отношение лично к Садулаеву, но ни малейшего — к Есенину. Как весь так называемый учебник русской литературы в целом.

Разумеется, подобные попытки писать «Моего Пушкина», «Моего Есенина» (Булгакова, Солженицына, кого угодно) имеют право на существование, но когда они характеризуют пишущего, а не самого писателя. Были ведь «Прогулки с Пушкиным», «Пушкинский дом». И «Литературная матрица» могла бы войти в этот круг, если бы не одно обстоятельство. Книга создана, как уверят второй титульный лист, «При участии Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета!» Участие университетских филологов с докторскими степенями придает книге некий университетский академизм, едва ли не статус рекомендованного учебника!

Честное слово, для меня осталось мучительной загадкой, почему коллеги из Санкт-Петербургского университета взялись за это весьма сомнительное предприятие. И в чем, собственно, это участие проявилось. Но объективно эта

книга служит дискредитации русской литературы — нивелирует те ее свойства, о которых мы говорили. Лишает сакральности. Превращает в несерьезную игру. Дай-ка самовыразиться, поставить свое имя рядом с тем, что уже давно на скрижалях русской истории.

Вероятно, экзерсизы, подобные «Литературной матрице», оказываются возможны потому, что литература действительно утратила свои важнейшие социально-психологические функции, среди которых формирование национального взгляда на мир, манеры чувствовать и думать оказывается первостепенной.

Конечно, чтобы «вычитать» это все, нужно научиться читать — тому и должны служить школьные уроки по литературе. Увы, они далеко не всегда достигают своих целей. Современный выпускник зачастую выносит из них мысль о некоем абстрактном гуманизме, утверждаемом словесностью, а так же размышления о том, что «человеческая жизнь есть высшая ценность». Но если именно ради этой мысли созданы тома русской классики, то как понять тогда размышления Петруши Гринева под виселицей, когда Савельич просит его, сплюнув, «поцеловать злодею ручку»: «Я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению». Значит, для Петруши есть какие-то более значимые ценности, чем его жизнь: он готов не раздумывая повторить ответ великодушных товарищей своих самозванцу и расстаться с жизнью, как только что сделали капитан Миронов и другие их товарищи по обороне крепости, — но не расстаться с честью, которая важнее для героя...

Оглядываясь на опыт XX века, многие писатели и в Советской России, и в эмиграции возложили на русскую литературу вину за исторические потрясения, выпавшие на нашу долю. На западе эта точка зрения аргументировалась следующим образом: именно литературный образ русского человека, то разломанного и лишённого цельности, как Онегин или Печорин, то бездеятельно-созерцательного, как Обломов на своем диване, то необразованного и ленивого, как Митрофанушка, прячущийся за матушкиной юбкой, унижил нас в глазах Европы и представил легкой добычей перед Вермахтом, когда разрабатывался план «Барбаросса». Немцы рассчитывали встретить здесь сплошных Обломовых... Русская литература обманула их, внушив ложные представления о русском человеке, и этот обман слишком дорого стоил нам.

Для писателей иного исторического опыта, для познавших репрессии и поднявших лагерную тему, именно гуманистический пафос русской литературы обнаружил полную несостоятельность. По мысли Варлама Шаламова, сама гуманистическая литература скомпрометирована, ибо действительность вовсе не оказалась соотносима с ее идеалами: "Крах ее гуманистических идей, историческое преступление, приведшее к сталинским лагерям, к печам Освенцима, доказали, что искусство и литература — нуль. При столкновении с реальной жизнью это — главный мотив, главный вопрос времени". Этот же мотив недоверия классической литературе слышится и у А.И.Солженицына — от

полемики с Достоевским, с его "Записками из мертвого дома", до полемики с Чеховым.

Речь у Шаламова и Солженицына идет о наивном гуманизме, трактующем человека венцом Вселенной и самим смыслом ее существования. При столкновении с реальными противоречиями жизни, тем более с историческими катаклизмами, подобная позиция обнаруживает свою полную несостоятельность, а «та жалкая идеология "человек создан для счастья"», внушенная литературой, выбивается «первым ударом нарядчикова дрына» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Думается, что и в том, и в другом случае речь идет о ложной и некорректной интерпретации глубинного идейного пафоса литературы XIX – XX веков. В ней содержались не только идеи о счастье, для которого создан человек, но утверждалась, повторимся, мысль об ответственном отношении человека к миру. Об ответственности личности за собственную честь, которая воистину дороже счастья и жизни, и национальную судьбу, за которую и жизнь положить не жалко. И мы можем припомнить не только бездеятельных Обломова с Онегиным, но и героев совсем другого склада: Чацкого, Петрушу Гринева, Татьяну Ларину, князя Андрея, Николая Ростова, лесковских Левшу и атамана Платова... Целую галерею образов праведников, созданных этим писателем в одноименном цикле.

Функцией литературы в условиях литературоцентризма русской культуры было формирование национально значимых образов культурных героев, с которыми и по сей день самоидентифицируется любой грамотный человек. Они «обживают» историю, делают ее понятной, близкой и «домашней», создают алгоритмы поведения в разнообразных жизненных ситуациях, формируют систему бытовых и онтологических ценностей. Образы литературных героев, перешедших с книжных страниц в национальное сознательное и бессознательное, ставших национально значимыми архетипами, категориями национального сознания, которыми мыслил русский человек еще совсем недавно, сформированы литературой предшествующих столетий.

Схожую роль играла литература советского периода, в том числе социалистического реализма, ориентируя человека, лишенного революцией важнейших бытийных, онтологических опор (религиозных, культурных, социальных, правовых), в историческом пространстве советской эпохи, создавая мифологию нового мира, новых культурных героев (Павел Корчагин, Алексей Турбин, Петр Первый, герой Алексея Толстого, Вихров и Грацианский, герои «Русского леса» Л.Леонова), объясняя бытийный смысл свершившихся исторических катаклизмов. Литература создавала образ советского космоса и укореняла там человека, открывая перед ним смысл его исторического бытия. Можно говорить о том, что этот космос оказался непрочным, исторические цели, поставленные перед поколениями XX века, недостижимы, но именно литература создала столь притягательный образ советского мира, что он стал национальной идеей огромной страны, мировой державы на протяжении нескольких десятилетий. Образ мира, созданного советской литературой,

формировал идеал жизни, приближение к которому обусловило исторические цели нескольких советских поколений. И хотя этот идеал так и не был достигнут, он обладает несомненной ценностью, и можно ли от него с пренебрежением отвернуться нынешнему поколению, которое не смогло выработать для себя и своих детей не то чтобы идеал, но хоть сколько-нибудь внятную историческую перспективу, которая не была бы связана с курсом иностранной валюты и ценой на нефть?

Конечно, русской литературе XX века история неизбежно предъявит и свой счет. Слишком уж многие важнейшие аспекты национальной жизни оказались не запечатлены отечественными художниками слова – ни в метрополии, ни в эмиграции, ни в потаенной литературе. А стало быть, следуя русской традиции, остались (хочется надеяться, до времени) не осмыслены национально-историческим сознанием людей, живущих уже в начале XXI века. Не преломленные художественно, они будто не отражены в национальной памяти. Таковы Кронштадтское восстание гарнизона города и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота против власти большевиков, восстание крестьянской армии атамана Антонова на Тамбовщине и его подавление Красной армией под командованием Тухачевского (лишь два рассказа Солженицына 1990-х годов), голод на Юге России в начале 1930-х годов (лишь рассказы Тендрякова), гонение на Церковь и уничтожение священства. Да и участие России в Первой мировой войне не нашла бы отражение в литературе, если бы не «Август Четырнадцатого» А.И.Солженицына.

Так уж сложилось в последние две-три сотни лет, что всякий русский постигал исторические судьбы своей страны, обретал национальную принадлежность, впитывал культурные гены своей нации – из литературы. Через литературу приобщался к образу мыслей и ощущению бытия давно ушедших поколений, обретал с ними кровную и глубоко личную связь. В этом и состояло то, что мы привычно называем литературоцентризмом русской культуры. И это качество мы утратили.

Всего два десятилетия назад мы были свидетелями последней на сей момент вспышки воистину всеобщего интереса к литературе. То был конец 1980-х – начало 1990-х, когда тиражи «толстых» журналов взлетели на невероятную высоту, а публикация любого задержанного произведения, будь то «Собачье сердце» М.Булгакова или же «Новое назначение» А.Бека вызывало всеобщий и самый искренний интерес. Литература восстанавливала народную историческую память, будто вклеивала вырванные и растерзанные страницы в книгу национального исторического бытия. Тогда и представить было невозможно, что миллионные тиражи года через два упадут так, что не будут набирать и тысячи...

Литература на глазах современного поколения перестает быть сферой национального самосознания, национальной саморефлексии. Сейчас литература утратила важнейшую свою функцию – ориентировать человека в историческом пространстве, определять его бытийные ориентиры. Она превратилась в форму

занимательного и необязательного досуга, чтение перестало быть престижным занятием. В результате книжный рынок заполнился продуктами совершенно иного рода, предлагающие в качестве культурных героев современности Дашу Васильеву, доморощенного детектива из сериала Донцовой, или же Фандорина из псевдоисторического романного проекта Акунина.

В результате утраты литературой присущего ей на протяжении трех последних столетий высокого статуса в русской культуре, традиционно литературоцентричной, возник ощутимый вакуум, заполнить который пока нечем.

Можно ли связывать подобную ситуацию бытийного вакуума с утратой культурного литературоцентризма? Думается, что да. Утрата литературой своего традиционного статуса и потеря прежних функций не могла оказаться безболезненной. И здесь мы с неизбежностью говорим о роли государства в поддержании (или же в полном небрежении) художественного слова и его воздействия на современника.

Оглянемся на времена советские. Прошло время бранить соцреализм, советскую власть, искоренение инакомыслия в литературе. Негативные воздействия на словесность того процесса, который в современном литературоведении получил название «огосударствление» литературы, хорошо известны. Его жертвой пали и отдельные писатели, и целые литературные направления (новокрестьянская литература, представленная именами С.Есенина, П.Васильева, С.Клюева, А.Ганина, или же абсурдизм ОБЭРИУтов Д.Хармса, К.Вагинова, А.Введенского). Но не только лишь к уничтожению писателей и литературных направлений сводилось внимание государства к литературе. Первый съезд советских писателей (1934) ознаменовал принципиально новый характер отношений литературы и власти, когда словесность становится государственным делом, а писательский труд – востребованным и общественно значимым. Создается Союз писателей, формируется (впервые в мировой истории) Литературный институт, готовящий профессиональных литераторов, организован академический Институт мировой литературы им. М.Горького. И все эти события становятся объектом колоссального общественного внимания, воспринимаются людьми тридцатых годов так же остро и с той же гордостью, как перелет в США через Северный полюс и эпопея спасения челюскинцев.

Иногда, правда, приходится слышать следующее: массовое открытие литературных изданий, поддержка Литинститута, Союза писателей и др. не могло осуществляться вне гонений на писателей и литературные течения, которые не соответствовали официальной идеологии. Мы полагаем, что это не так. В данном случае речь идет о разнонаправленных и даже противоречивых векторах советской системы и советской политики, которая несла в себе как глубочайший гуманизм и любовь к человеку (примеры известны, среди них – ликвидация беспризорности, сплошная грамотность, отсутствие бездомных, поголовное среднее образование, всеобщий доступ к медицинскому обслуживанию и многое другое), так и людоедство ГУЛАГА и всего, что с ним

было связано. Один вектор почти не пересекался с другим, они будто существовали в разных измерениях, поэтому об одной эпохе написан и «Василий Теркин», и пронзительная повесть К.Воробьева «Это мы, Господи!». А позитивная роль литературы, какую она играла в советские годы, была обусловлена именно государственным вниманием и поддержкой.

Именно в результате государственного влияния и поддержки возникло явление, которое получило название социалистического реализма. Не понятое в советской время (из-за неизбежной идеологизации любого его филологического исследования), осмеянное в постсоветское, сейчас оно все более привлекает внимание исследователей. Постепенно становится ясным, что социалистический реализм удовлетворял очень важной общественной потребности. Когда революцией были уничтожены прежние социальные институты, общественные связи нарушены, мораль, основанная на общечеловеческих принципах, объявлялась буржуазной, религия трактовалась как опиум для народа, а Церковь подвергалась невиданным гонениям, - общество нуждалось в слове, способном организовать распадающийся мир, лишившийся прежних связей и структур и не обретший новых. Литература могла сказать такое слово и говорила его. Именно социалистический реализм стал тем литературным направлением, которое сумело показать человеку, выбитому из прежних социальных ячеек, его место в становящемся мире. Литература объясняла читателю новый мир, творящийся на его глазах, структурировала его, указывала личности место в новых социальных структурах, формировала представления о частных, социальных, исторических задачах, указывала место в мироздании. Это было органичное, идущее изнутри литературы стремление. Литература брала на себя функцию организации общества, лишённого бытийных, онтологических, религиозных ориентиров и исконных нравственных ценностей. Иными словами, литература структурировала пореволюционный хаос, превращала его в новый послереволюционный космос, придавала ему черты гармонии и высшей разумности, вписывая в него читателя, объясняя ему, в чем состоят результаты грандиозной исторической ломки, пережитой в прошлом десятилетии.

Утратив прежнюю мифологию, общество нуждалось в новых мифах, способных представить революцию как эпоху первотворения, результатом которой является современное мироздание. И литература ответила на эту общественную потребность, создала художественную мифологию, которая формировала у читателя картину мира, светлого и преображенного, устремленного к несомненным и очевидным историческим перспективам. Советская мифология, созданная литературой социалистического реализма, конструировала категории мышления строителя прекрасного коммунистического завтра.

Литература рождала миф о Революции как о грандиозном историческом преображении космических масштабов, приведшем к сотворению Нового Мира. Основные константы этого мифа оформились в исторической эпопее А.Толстого «Петр Первый», в романе Н.Островского «Как закалялась сталь», в колхозном эпосе М.Шолохова «Поднятая целина».

Рядом с этим мифом и одновременно с ним творился миф о Новом Человеке, герое-демиурге. Его воплощением стал Левинсон («Разгром» А.Фадеева), Павел Корчагин («Как закалялась сталь» Н.Островского), Курилов («Дорога на Океан» Л.Леонова). Чертами такого героя становятся аскетизм, отсутствие личной жизни (любовь сознательно принесена в жертву Революции), железная воля, способность к строгому рациональному мышлению, сильный дух, властвующий над физически слабым и изможденным телом. С названными чертами нового человека ассоциируется христианский мотив укрощения плоти (потерянное в борьбе здоровье), жертвенность и восхождение.

В той мифологической модели нового мира, которая создавалась литературой социалистического реализма, даже пространство и время обретали особые константы. Время, история могли выступать как косное начало, требующее ускорения ценой невероятных волевых усилий героя-демиурга и его сподвижников, способных схватить Фортуна за волосы и повернуть к себе лицом, рвануть колесо истории и заставить его крутиться быстрее («Петр Первый» А.Толстого). Миф о победе над временем создает В.Катаев («Время, вперед!»).

Советская мифология преобразовывала и переосмысляла христианские и языческие образы, мотивы, сюжеты, перетолковывая их в соответствии со своими нуждами. Наиболее очевидно подобное переосмысление в романе «Молодая гвардия» А.Фадеева. Он буквально впитывает в себя канонические христианские представления (и этот аспект художественного мира романа не был затронут в ходе переработки). Молодогвардейцы ощущают себя почти так же, как первые христиане, их конспиративные встречи выглядят как катакомбные собрания, свою миссию они видят в проповеди Правды, в донесении Благой Вести до сограждан через листовки, переписанные от руки, размноженные сводки совинформбюро; радиоречи Сталина передают друг другу и ближним как слова апостольской проповеди; флаги, вывешенные на 7 ноября, напоминают церковные хоругви. Конфликт и его разрешение вписываются в рамки той же традиции: участвуя в битве с силами тьмы и inferнального зла, молодогвардейцы одерживают безусловную нравственную победу и обретают вечную жизнь через жертвенную смерть.

Задача формирования советской идеомифологической системы ставилась перед новой литературой: она должна была «воспитать нового человека». В определении, данном социалистическому реализму в 1934 году, говорилось о важнейшей «задаче идейной перedelки и воспитания трудящихся людей в духе социализма». Именно эта литература, создавая новую мифологию, ориентировала человека в историческом пространстве XX века, воспитывала его, формировала высокие духовные идеалы и противостояла все усиливающемуся карьеризму и стяжательству сталинской бюрократии, ее беззакониям, нарастающим репрессиям, ГУЛАГУ

Вполне естественно, что положение литературы в школе как предмета было совсем иным, чем сейчас. Это был основополагающий предмет школьного цикла, что подчеркивалось тем, что сочинение был первым и обязательным выпускным экзаменом и первым и обязательным экзаменом вступительным.

Фасады типового здания советской школы 30-50-х годов украшали профили писателей – Ломоносова, Пушкина, Горького, Маяковского.

Обращаясь к сегодняшнему дню, мы можем поставить два принципиальных вопроса. Во-первых, понимает ли нынешний политический класс неестественность и неорганичность для русского сознания утраты культурного литературоцентризма? Во-вторых, если понимает, способен ли что-нибудь противопоставить данной ситуации?

Не нам отвечать на эти вопросы. Мы можем лишь судить о том, что происходит в школе с гуманитарным циклом предметов, в том числе, с литературой.

Положение литературы в современной школе видится как плачевное. Такое впечатление, что она теперь просто не нужна, существует по инерции и с каждым годом все теряет и теряет часы. Такое положение усугубилось введением ЕГЭ, системы абсолютно формальной, резко сужающей до холодного прагматизма интересы выпускника и выхолащивающей суть гуманитарного знания.

ЕГЭ нанес по литературе в школе сокрушающий удар. Суть в том, что гуманитарное знание, а литература в особенности, в принципе не поддается формализации. Отмена школьного сочинения как экзамена по русскому языку и литературе и переход к тестам и коротенькому эссе привели к тому, что литература утратила статус обязательного предмета. Изучение литературы «под ЕГЭ» не дает никакого смысла ни ученику, ни вузу, куда он принесет свои результаты. В таком виде экзамен по литературе, и в самом деле, не нужен.

Кому помешало сочинение, форма проверки знания, существовавшая в русской школе на протяжении двух с лишним столетий, которая давала полную возможность человеку выразить себя – сочинить текст, в котором обнаружится понимание художественных смыслов, собственная (гражданская) позиция, если она успела сформироваться, личное отношение к героям, их поступкам, мотивациям, ценностям? Да к тому же Петруше Гриневу, стоящему перед лицом самозванца?

Если мы хотим что-то противопоставить культурному и идеологическому вакууму современности, мы должны вспомнить о единственном и уникальном в своем роде носителе социально-исторической и культурной информации – о художественной литературе. Ее уникальность состоит в личном и даже интимном обращении к каждому, кто берет в руки книгу, в возможности, открытой для каждого, ощутить себя современником Петра Первого, Кутузова, Пугачева, и почувствовать, как ощущали себе в те времена Гринев, князь Андрей, Алексашка Меньшиков. Только для того, чтобы это произошло, нужно воспитать читателей, способных и желающих размышлять. Только тогда русская литература сможет оправдать перед современным и будущим поколением факт своего исторического существования.